

УДК 94(47).084
DOI: 10.17223/19988613/53/32

С.А. Нефедов

**РЕЦЕНЗИЯ: РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ:
СТЕЙНБЕРГ М. ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, 1905–1921.
М. : ИЗД-ВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА, 2018. 560 с.**

Автор знакомит читателей с новой монографией известного историка-руссиста Марка К. Стейнберга о Русской революции 1917 г. написанной в рамках новой культурной истории, считает монографию полезной и развивающей представления о революции в отдельных ее сюжетах.

Ключевые слова: К. Стейнберг; Русская революция.

Марк К. Стейнберг – известный американский русист, профессор университета штата Иллинойс, автор нескольких монографий по истории России конца XIX – начала XX в. Его новая книга называется «Великая русская революция» [1], однако надо сразу же оговориться, что это название обманчиво и может ввести в заблуждение читателя, незнакомого с современными направлениями в американской историографии. Еще недавно основным направлением изучения истории русской революции в американских университетах была «новая социальная история», исследовавшая главным образом социальные и экономические аспекты происходивших событий. Классиками «новой социальной истории» были такие известные историки, как Э. Актон, Л. Хеймсон, Ш. Фицпатрик, Р. Суни. Однако после падения Советского Союза интерес к социальной истории стал ослабевать. На первый план выдвинулась так называемая «новая культурная история», для которой характерно повышенное внимание к влиянию языка, культуры и местного контекста на формирование социальной идентичности [2]. В России аналогичные тенденции проявились в разработке перспективного направления «Человек и революция в XX веке», в котором социальные процессы в революционной России рассматривались сквозь призму «человеческого измерения» (обзор работ данного направления см.: [3])

В предисловии к книге Стейнберг предупреждает читателей, что они найдут в его книге не совсем то, что, вероятно, ожидают найти. «Разумеется, центральное место в нашем осмыслении истории занимают события, причины и последствия – они наделяют ее структурой и движут ее вперед. Можно сказать, что они составляют костяк истории. Но в этой книге я попытался выявить (продолжая эту метафору) плоть и кровь истории, ее разум и чувства, воплотившиеся в опыте людей прошлого во всей его полноте» [1. С. 8]. Что же такое опыт? «Одно из наиболее удачных определений предложил историк Мартин Джей: опыт – это наш внутренний диалог с окружающим нас миром, столкновение личности с тем, что существует вне ее, и в первую очередь “столкновение с иным”, способное

изменить нас непредсказуемым образом» [1. С. 17]. В значительной степени опыт – это восприятие современниками происходящих событий. Этой теме в основном и посвящена книга Стейнберга.

Первая часть работы («Документы и сюжеты») посвящена рассмотрению наиболее «типичных и выразительных» текстов, которые позволяют автору сделать некоторые важные выводы. Стейнберг принципиально ограничивается рассмотрением лишь «первичных источников», т.е. документов, созданных в течение рассматриваемого периода. Это в основном газетные и журнальные публикации, что придает работе некоторый крен в сторону газетной публицистики. Автор признает этот недостаток работы: «Как журналисты-очевидцы, так и современные историки сталкиваются с одними и теми же проблемами: показания свидетелей нередко недостоверны, факты страдают неполнотой, на понимание событий журналистами и историками влияют их личный опыт и ценности, так и опыт ценности их информантов...» [Там же. С. 25]. Однако журналисты передают в основном впечатления образованной публики. В тех случаях, когда необходимо проникнуть в мысли рабочих и крестьян, Стейнберг обращается к архивам – в основном это архивы газет и издательств, содержащие письма простых людей.

Изучение документов позволяет Стейнбергу сделать два важных вывода. Один из них касается роли женщин в Февральской революции. Известно, что революция началась как «голодный бунт», и первыми на улицы вышли женщины, требовавшие хлеба, чтобы накормить свои голодные семьи. Но они не только просили хлеба, отмечает автор, вместе с мужчинами они набрасывались на полицейских, а когда революция одержала победу – они не ушли с улиц. «Бабий бунт» продолжался; теперь женщины требовали равноправия, и после впечатляющей демонстрации 19 марта Временное правительство было вынуждено согласиться на предоставление им избирательных прав [Там же. С. 55–59]. Таким образом, Россия стала первым из больших государств Европы, где женщины завоевали право голоса. Это событие сыграло огромную роль в борьбе

женщин за равноправие: уже в следующем году правительства большинства европейских стран были вынуждены последовать русскому примеру.

Другое важное наблюдение Стейнберга касается понимания простым народом слов «свобода» и «воля». Рабочие и крестьяне понимали эти слова совсем не так, как понимала их либеральная «общественность», они придавали им оттенок социального и имущественного равенства. «Во время российской революционной весны, — отмечает Стейнберг, — многие рабочие, крестьяне и солдаты утверждали — особенно в письмах и обращениях в Петроградский совет... — что воля требует активного насаждения социального равенства и братства» [1. С. 63]. Таким образом, в устах простых людей слово «воля» было частью лозунга «земля и воля», подразумевавшего земельный и имущественный передел. Стейнберг вскрывает глубокую психологическую связь между февралем и октябрем: оказывается, «свобода» и «воля» — лозунги февраля — для очень многих рабочих и крестьян изначально были лозунгами социальных преобразований.

Вторая часть книги Стейнберга, «События», состоит из трех глав: «Революция, неопределенность и война», «1917 год» и «Гражданская война». Каждая глава начинается с конспективного описания событий, а затем следует анализ того, как эти события воспринимались различными слоями населения. Впечатление от революции 1905 г. передается в основном откликами газет на манифест 17 октября: «Свобода!», «Сегодня началась новая жизнь» и т.д. Правда, яркие картины омрачаются «тенью» последующего массового насилия, но преобладающим настроением газет на протяжении 1905–1906 гг. остается оптимизм [Там же. С. 84–88]. Следует отметить, однако, что в данном случае Стейнберг ограничивается анализом журналистских впечатлений; он ничего не пишет о том, что думали о революции рабочие и крестьяне.

В последующий период, в 1906–1913 гг., отмечает Стейнберг, «представители всех классов и идеологических позиций были охвачены унылым настроением и даже подавленностью по причине явного исторического застоя и отсутствия каких-либо серьезных перемен». «Согласно описаниям репортеров страну захлестнула “грязная волна” массового “разврата”». «С “сексуально вакханалией” была тесно связана и “вакханалия насилия”». «Этим сюжетам целенаправленно придавался сенсационный и возбуждающий характер, но в то же время подобные сюжеты служили в качестве иллюстрации к “этим временам” и “духу эпохи”» [Там же. С. 97, 101, 102]. Но, опять же, вся информация опирается на газеты, и для читателя остается неизвестным, что же думали об этих временах простые люди.

Стейнберг уделяет сравнительно мало внимания военному периоду 1914–1916 гг. Речь снова идет преимущественно о том, как подавались события на страницах газет. «Оптимизм на страницах газет, по всей видимости, носил неподдельный характер и порой вы-

ливался в напыщенную риторику об историческом моменте. Даже мрачной осенью 1915 г. автор передовицы одной из петроградских газет утверждал: “Мы живем теперь во время великих возможностей. Под гром орудий... Россия, как организм, полный жизненных соков, находит силы, чтобы приступить к излечению своих внутренних язв”». Впрочем, «некоторые журналисты осторожно выражали беспокойство в отношении будущего...» По прочтении газет у Стейнберга сложилось впечатление, что «война сравнительно слабо затронула повседневную жизнь» [1. С. 109]. Здесь, конечно, приходится вновь напомнить о признании автора относительно субъективности журналистов, которые к тому же работали в условиях военной цензуры [Там же. С. 25, 110]. За пределами видимости для Стейнберга остаются жестокие реалии войны, страдания солдат на фронте и голодные бунты в городах. Эти темы подробно исследованы в работах российских историков (напр.: [4, 5]), и игнорирование этих работ автором трудно объяснить.

При описании реакции разных слоев населения на события 1917 г. Стейнберг возвращается к материалам, уже использованным в первой части книги. «Как мы уже видели в главе I, журналисты, нередко впадая в лихорадочный тон, описывали первые недели революции как чудесную весну свободы, воскрешения и возрождения, как долгожданный конец тьмы, рабства и страданий». Но «по мере того, как утопическая эйфория сталкивалась с суровыми реалиями истории как повседневной жизни... интерпретации и настроения становились все более противоречивыми и несвязными» [Там же. С. 134]. В этой главе Стейнберг не раз ссылается на работы Б. И. Колоницкого, также исследовавшего эволюцию массовых настроений от февраля к октябрю. Постепенно «противоречивые» настроения сменяются боязнью анархии, причем журналисты возлагали вину за нарастающую волну анархии на народ. «Как отмечал один репортер, к началу лета презрительные слова о “взбунтовавшихся рабах” были слышны “на каждом шагу”». После «июльских дней» газеты стали требовать «сильной власти» [Там же. С. 139, 144]. Опираясь на архивные источники (правда, немногочисленные), Стейнберг доносит до нас и голос солдатских масс — причем этот голос звучит очень решительно. «Типичной для этого периода была резолюция одного из солдатских комитетов, отправленная в газету Совета “Известия” 1 сентября: “Пора же сбросить с себя гипноз буржуазии; пора отбросить ее как гнойную коросту, чтобы она не разлагала революцию...”» [Там же. С. 143].

Октябрьская революция получила в прессе противоречивые оценки. «Известия» и другие большевистские газеты писали о том, что революция открыла дверь в беспрецедентную эпоху, о которой давно мечтали: пришла новая жизнь, в которой на стало «рабов, господ» и не было угнетения и насилия. Немногие еще уцелевшие оппозиционные газеты обвиняли большеви-

ков в том, что они спровоцировали простой народ «лживыми» и «пустыми» обещаниями, тем самым выпустив на волю кровавые и жестокие «инстинкты» [1. С. 176, 178]. После начала Гражданской войны эта словесная дуэль стала ожесточенной. «Авторы публикаций в поддержку большевистской власти объявляли революцию борьбой за святую “правду” – нравственную правду земной справедливости, любви и добра». Издававшиеся по другую сторону фронта газеты изображали белых как «спасителей». Красные же представляли в облике «грабителей и разбойников... авантюристов и шулеров... озверевшей черни... банда проходимцев, использовавших все великое народное невежество для своих темных, корыстных целей» [Там же. С. 185–187].

Третья часть книги Стейнберга («Места и люди») состоит из четырех глав. В главе «Уличная политика» более подробно разворачиваются сюжеты, которые уже рассматривались в первых частях книги. Автор описывает «повседневную улицу» с хулиганами и женщинами на панели, «революционную улицу» во власти насилия и «темной толпы». Описание теперь ссылается не только на газеты и письма, но и на воспоминания современников, а также на работы историков.

В главе «Женщины в революции и в деревне» Стейнберг впервые в этой книге обращается к анализу поведенческих практик преобладающей части населения России – крестьянства. Но делает он это в весьма своеобразной манере, основное внимание уделяя гендерным аспектам этой проблемы. Существенным препятствием при этом является недостаток аутентичных материалов. «Голоса крестьянок редко встречаются в документах», – признает Стейнберг. «Многое из вышесказанного – всего лишь размышления историков» [Там же. С. 320–321]. Стейнберг опирается в основном на работы Б. Эйнджел, О. Файджеса, П. Гатрелла и других западных специалистов и в целом дает достаточно полную картину роли женщин в событиях революционного времени. До революции «считалось, что семейная жизнь крестьян носит жестоко патриархальный характер и признает не только деспотичную власть старого главы семейства, но и обычаи домашнего насилия, обращенного на жен и детей» [Там же. С. 268]. Но во время крестьянских восстаний 1905–1906 гг. неожиданно выявляется активная роль женщин. «Женщины нередко стояли в первом ряду, защищая протестующих своими телами (иногда для большего эффекта они брали на руки детей...). Но в других случаях они могли швырять камнями в полицию и солдат или потрясать палками, граблями, лопатами, топорами и вилами» [1. С. 285]. Позже, в 1915–1916 гг., «солдатские жены играли ведущую роль во вспыхнувших во многих русских городах “голодных бунтах”, известных также как “погромы” и “бабы бунты”». В отсутствие мужей солдатки взяли на себя функцию защиты семьи, и материнский инстинкт заставлял их рисковать жизнью, чтобы обеспечить своих детей хлебом [Там же]. Как отмечалось выше, именно с такого

«голодного бабьего бунта» началась Февральская революция.

К маю 1917 г. относится один из немногих документов, доносящих до нас голос женщин-крестьянок, – письмо, опубликованное в газете «Новая жизнь». «Довольно крови, довольно этого ужасного кровопролития, совершенно бесполезного для трудового народа», – писали крестьянки из Смоленской губернии [1. С. 321]. Естественно, что в первую очередь женщины желали остановить войну и вернуть с фронта своих мужей.

Временное правительство дало женщинам избирательные права, но вернувшиеся с фронта крестьяне-солдаты пытались восстановить прежние патриархальные обычаи. «Даже скромные претензии женщин на новые роли и взаимоотношения – такие как обучение грамоте или возможность отправлять дочерей в школу – нередко встречали яростное противодействие со стороны крестьян-мужчин» [Там же. С. 325]. После начала Гражданской войны символом революции стал рабочий-мужчина, обычно кузнец, изображавший сильного труженика, кующего новый мир; женщину изображали на плакатах как помощницу кузнеца. Один из плакатов показывает, что (в идеале) дала революция работнице и крестьянке: «дом матери и ребенка», «детский сад», «школу для взрослых», «клуб работниц» и т.д. «Но все эти проблемы еще ни в коем случае не были решены», – скептически резюмирует Стейнберг [Там же. С. 337–343].

Следующая глава книги Стейнберга называется «Преодоление империи» и посвящена восприятию революции различными народами России. Этой необъятной теме посвящено огромное количество работ, и Стейнберг, не пытаясь объять необъятное, радикально ограничивает свою задачу. «В данной главе непростая история антиимпериалистической революции показывается глазами трех личностей: Махмуда Ходжи Бехбуди, среднеазиатского исламского активиста, Владимира Винниченко, украинского политического деятеля и литератора, и загадочного еврейского писателя Исаака Бабеля. Разумеется, – признает Стейнберг, – никакая подборка личностей или сюжетов не способна показать всевозможные оттенки восприятия людьми имперских различий и брошенного им вызова. И потому вниманию читателя предлагаются “поучительные сюжеты” – каждый из них по-своему раскрывает более широкий круг событий, – но отнюдь не архетипические» [Там же. С. 351].

Последняя глава книги Стейнберга («Утописты») посвящена людям, которых раньше называли «пламенными революционерами». Стейнберг называет их «утопистами» и показывает их судьбу на трех биографических примерах: Льва Троцкого, Владимира Маяковского и Александры Коллонтай. «Они входили в число многочисленных борцов с узкими представлениями о том, что возможно и что – нет, с теми, кто предупреждал, что скачок в царство свободы – утопия. Призвав на помощь присущую им энергию и умение красиво изъясняться, они посвятили свою жизнь “отрицанию того, что просто существует”, во имя того, “что

должно быть» [1. С. 351]. Однако, как и в предыдущей главе, это лишь «поучительные сюжеты», не претендующие на какие-либо общие выводы.

В заключение остается сказать, что книга Стейнберга не представляет собой историю русской революции в традиционном понимании. Это скорее полезное чтение о некоторых аспектах русской революции – в основном о восприятии революции современниками. Некоторые из сюжетов, рассматриваемых Стейнбергом,

хорошо известны российским исследователям (и Стейнберг на них ссылается). Другие сюжеты представляют новую информацию, дополняющую наше знание о революции, притом некоторые выводы автора являются весьма важными (речь идет, в частности, о выводах, сформулированных в первой части книги). В целом книга дает представление о результатах, достигнутых новым направлением американской историографии, «новой культурной историей».

ЛИТЕРАТУРА

1. Стейнберг М. Великая русская революция, 1905–1921. М. : Изд-во Института Гайдара, 2018. 560 с.
2. Большакова О.В. Русская революция глазами трех поколений американских историков (обзор) // 1917 год. Россия революционная / ред. В.М. Шевырин. М. : ИНИОН, 2009. С. 6–32.
3. Поршнева О.С. Человек в условиях российской революции 1917 г.: основные тенденции и достижения в изучении проблемы // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика / ред. Л.Н. Мазур и др. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 50–64.
4. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М. : РОССПЭН, 2004. 368 с.
5. Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М. : Новый хронограф, 2014. 740 с.

Nefedov Sergey A. Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: hist1@yandex.ru

REVIEW: RUSSIAN REVOLUTION IN THE PERCEPTION OF SOVEREIGNMENTS RUSSIAN REVOLUTION IN THE PERCEPTION OF SOVEREIGNMENTS. STEINBERG M. THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION, 1905-1921. MOSCOW: PUBLISHING HOUSE OF GAIDAR INSTITUTE, 2018. 560 P.

Keywords: M. Steinberg; Russian Revolution.

The author introduces readers to a new monograph by the famous Russian historian Mark K. Steinberg about the Russian revolution of 1917 written within the framework of the new cultural history. The author considers the monograph useful and developing ideas about the revolution in some of its scenes.

REFERENCES

1. Steinberg, M. (2018) *Velikaya russkaya revolyutsiya, 1905–1921* [The Great Russian Revolution, 1905–1921]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
2. Bolshakova, O.V. (2009) *Russkaya revolyutsiya glazami trekh pokoleniy amerikanskikh istorikov (obzor)* [The Russian Revolution through the eyes of three generations of American historians (a review)]. In: Shevyrin, V. M. (ed.) *1917 god. Rossiya revolyutsionnaya* [1917god. The Revolutionary Russia]. Moscow: INION. pp. 6–32.
3. Porshneva, O.S. (2016) *Chelovek v usloviyakh rossiyskoy revolyutsii 1917 g.: osnovnyye tendentsii i dostizheniya v izuchenii problemy* [Man under the Russian Revolution of 1917: Main trends and achievements in the study of the problem]. In: Mazur, L.N. et al. (eds) *1917 god v Rossii: sotsialisticheskaya ideya, revolyutsionnaya mifologiya i praktika* [1917 in Russia: Socialist idea, revolutionary mythology and practice]. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 50–64.
4. Porshneva, O.S. (2004) *Krest'yane, rabochiye i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* [Russian peasants, workers and soldiers on the eve and during WWI]. Moscow : ROSSPEN.
5. Astashov, A.B. (2014) *Russkiy front v 1914 – nachale 1917 goda: voyennyi opyt i sovremennost'* [The Russian front in 1914 – early 1917: Military experience and modernity]. Moscow: Novyy khronograf.